

Интеграционный потенциал утопии

*Т. Ф. Сухоцкая, кандидат культурологии,
доцент Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

Создание образа будущего, его прогнозирование являются необходимым условием жизнедеятельности человека, свойством его природы. Утопические программы активно влияют на человеческую историю. «Самые крайние утопии стали более актуальными и в известном смысле реалистическими, – писал в свое время Н. Бердяев, – чем умеренно-разумные планы организации человеческих обществ» [2, с. 171]. Среди социальных теорий утопия выделяется большими мобилизационными возможностями, силой воздействия на людей.

Проективность утопического мышления направлена на свободное творение мира согласно своим идеалам. Если в прошлом утопический идеал воспринимался как норма для обязательного исполнения, то на современном этапе ему чаще отводится роль регулятивного принципа усовершенствования социума и личности. Оценивать утопии необходимо не по их достигнутой, а по их социальной значимости. Как отмечает В. Конон, утопия еще выполняет «функции художественного творчества», создает совершенную модель будущего, «формирует тем самым социальную и эстетическую ориентацию тех или иных классов общества, создает систему их ценностей...» [3, с. 47].

Актуальность утопического мышления особенно возрастает на современном этапе, когда Республика Беларусь активно включается в интеграционные процессы. Активизируется процесс культурных взаимодействий и взаимовлияний между государствами, национальными культурами, в ходе которого формируется единая

общечеловеческая система ценностей. Согласование разных национальных форм культур способствует их объединению в единую культурную систему. В данном ракурсе необходимо подчеркнуть интеграционный потенциал национальной утопии, направленный на творение реального культурного пространства в соответствии с принципами толерантности, способности к творческому переосмыслению достижений других культур, ответственности за существующее состояние вещей.

Условием интеграции на постсоветском пространстве выступает общее наследие времен проживания в едином государстве СССР, которое нельзя оценивать только негативно. Советское общество, однако, развивалось вопреки провозглашенной утопической цели. Официальная идеология с ее национальным нигилизмом содействовала отчуждению от всего своего: языка, истории, культуры, обесценивала народный идеал и народное искусство. В гуманитарной мысли утвердилось мнение, что у казахов, как и у белорусов, не было своей философии – логично, и утопии. Если высказывалось другое мнение, то оно ограничивалось признанием некоторых самых выдающихся философов. Признавалось наследие аль-Фараби, Абая и некоторых других, и то не полностью. Казахские мыслители, подобно западным философам Платону, Аристотелю, Декарту, Канту, Гегелю, не оставили письменных трудов. Развитие получила народная философия, которая нашла отражение в пословицах, поговорках, устной традиции, в фольклорной, поэтической и религиозно-мифологической формах. Особенность казахской философии заключается в том, что система категорий в философии Запада стала основой философских текстов, а у казахов такие тексты приобрели преимущественно литературную форму, художественную и образную. То же можно сказать и о белорусской

философии, которую в XX в. заменила вербальная культура, в основном художественная литература.

Образы утопического мира являются онтологически архетипическими для любого типа человеческого существования. Причиной появления утопии в контексте казахского традиционного миропонимания стал кризис кочевой цивилизации. Содержание утопии в этот период обусловлено идеей обустройства жизни и быта человека. Доминирующим является преодоление нищеты, войн, утверждение мира, справедливости и добра во главе с мудрым правителем. Казахские понятия «Жидели Байсын» и «Жер Уюк» можно присоединить к известным в мировой культуре топосам Ханан для иудеев, странствующих в пустыне, Итака для Одиссея, Чистая земля для Платона и др. Традиционно к утопическим мыслителям казахи причисляют Асана Кайгы, прозванного в народе Печальным (кайгы в переводе с казахского означает «печаль»). В национальном языке сложились устойчивые фразеологические выражения, в которых имя мыслителя стало нарицательным для обозначения печали, горя.

Смысловым значением топоса Жидели Байсын для кочевников стало понятие Земли обетованной. Этимологически его можно определить как *жидели* – «ягодное», *байсын* – «богатое» («ягоднобогатое» место или «ягодный достаток»). Истоки архетипического образа Жидели Байсын необходимо искать в народной культуре, в сказках, где он описывается как райское место: «Золотая земля Жидели Байсын, там застыло время и нет пределов пространству, там жило человечество, когда светлы и открыты были глаза у людей и души чисты, когда гордо и прямо смотрели люди, восхищаясь горами и солнцем, полетом птиц и бегом коней. Все были молоды и прекрасны, не знали старости и болезней, не ведали изнуряющего труда. Щедры были люди, жили без зависти и

алчности, сама земля была как пиршественный стол, полный яств» [1, с. 13]. Синонимом понятия «Жидели Байсын» является понятие «Жер Уюк». В казахском языке *уюк* означает теплую, удобную вещь, которую обувают на ноги. Прибавление *уюк* к слову *жер* дает выражение «удобная земля» («благодатная земля», «готовая земля»), то есть земля, на которой человек будет счастлив. «Долго странствовал Асан Кайгы, все искал на свете счастливую страну, где много плодородной земли и многоводных рек, где народ живет, не зная нужды, горя и гнета, и где жаворонок вьет свое гнездо на пушистой спине барана» [1, с. 31]. Мотив поиска новой земли обусловлен частыми вынужденными переселениями кочевых племен. Особое место в казахской утопии занимают взаимоотношения человека с окружающей средой. Идеализируется союз с природой.

Утопия Жер Уюк стала первой национальной идеей казахов. В образе Асана Кайгы соединились две утопические традиции: ранняя архетипическая форма утопического творчества степных кочевников и социальное конструирование казахской национальной идентичности. Асан Кайгы стал своеобразным стержнем, вокруг которого консолидировались и архетипические представления о Жидели Байсын, и позднейшие – о лучшем мире, новых землях. Как видим, утопии восточных народов сами по себе являются отражением естественной веры человека в лучшее, в предельно счастливое существование.

Необходимо отметить, что на формирование арабомусульманских социально-утопических идей большое влияние оказала античная философская традиция. Понятие об идеальном духовном городе связано с понятием античного полиса. Возвратить золотой век, вернуть потерянный рай, создать на земле царство Божие – утопические фантазии мыслителей древности.

Имя первого профессионального утописта на казахской земле аль-Фараби носит Казахский национальный университет и самый большой проспект в Алматы. Перу аль-Фараби принадлежит «Трактат о взглядах жителей добродетельного города», где дается описание идеального государства. Это было задолго до Т. Мора и других западных утопистов. Политическая философия аль-Фараби имела мало общего с политической теорией существовавшего исламского государства. Истинное счастье мыслитель считает достижимым только в потусторонней жизни. Помимо истинного, существует счастье неподлинное, которое люди ошибочно принимают за таковое, не имея о нем никакого представления. Цель политической философии установить, что такое истинное счастье, укрепить в людях и их городах добродетели и способствовать совершению благих поступков. Противоположность добродетели у аль-Фараби составляют различные категории заблудших городов, список которых образован как вариант порчи или отсутствия правильного знания и действия.

Особое внимание в утопии уделяется проблеме государя, правителя. Имам добродетельного города, т.е. его глава, устанавливает для всех единые истинные законы. Первый имам должен обладать пророческим даром в отличие от последующих, эти законы поддерживающих и применяющих. Аль-Фараби перечисляет двенадцать качеств, которыми должен обладать первый имам.

Необходимо отметить, что одну из важных ролей в утопии восточных народов играл образ мудрой женщины, хранительницы очага, который отражал утопические идеи и мечты об идеальном правителе для народа. В поэмах В. Дунина-Марцинкевича также создаются идеализированные образы добрых паненок.

Таким образом, содержание утопии как идеальной конструкции составляет интенция к усовершенствованию общества в соответствии с определенной системой ценностей. Казахская утопия устроена по законам гармонии и согласия Мирового Космоса. В утопическом государстве отсутствуют проблемы в социально-экономической сфере, существуют все условия и предпосылки для духовного и нравственного развития личности – это общество усовершенствования и воспитания высокоморального человека.

Характерным для национальных культур, сформированных на традициях земледельческих племен, является консервативный тип утопии. Консервативное сознание само по себе не стремится к теоретизированию. Реальная ситуация воспринимается как часть навсегда установленного мирового порядка. Утопия погружена в бытие. Дух не конструируется, он воспринимается как исторически обусловленная внутри самой реальности сила. Для белорусской утопии характерна ориентация на сохранение традиционных ценностей. Действие не выносится за границы реального культурного пространства. Стабильность, размеренность, непринятие (без необходимости) революционаристских проявлений, поэтизация земли, быта, реальной человеческой жизни, сосуществование в гармонии с природой – специфика национальной утопии.

Белорусская утопия – составная часть общеевропейской культуры. Наиболее соответствующей формой распространения системы ценностей являются такие специфические жанры, как идиллия («Сялянка»), «сказки жизни» («Казкі жыцця»). Существенный компонент их содержания – раскрытие духовных ресурсов личности. Осуществление утопического идеала для белорусов – «сказки жизни» – возможно в реальном пространстве.

Свободный труд на своей земле – заветная мечта (Я. Колас «Новая зямля», «Казкі жыцця»). Превратить землю в цветущую ниву – мечта крестьянина-хозяина.

Белорусская утопия в XX в. стала формой глубокого философского постижения сути эпохи, средством формирования национального самосознания. Она выявляет реальные культурные ресурсы нации, личности. Не дает рецептов, а раскрывает возможность «новой земли». Определяющим для белорусов становится консервативный, оборонительный тип мышления, несовместимый с нигилизмом независимо от его окраски. Консерватизм для белорусов – сохранение.

Архетипическую основу менталитета этноса составляет утопическое мышление. Схожесть и уникальность утопического сознания казахов и белорусов позволяет понять глубже наше особенное и определить общие идеи, которые должны стать фундаментом дальнейшего сотрудничества. Обращение к истокам духовности, к утопии – необходимость в современной, динамичной эпохе глобализации и интеграции. Во время перемен проявляется устойчивость основ национального бытия, которые должны быть признанными и авторитетными в мировом сообществе. Именно на данной основе возможно построить не только упорядоченное общество, но и формировать свое будущее. Большое значение могут иметь мероприятия, которые содействуют укреплению патриотизма, с одной стороны, а с другой – формированию ценностей общемирового духовного наследия, которые способны, в свою очередь, содействовать становлению самосознания как казахов, так и белорусов.

1. Антология педагогической мысли Казахстана / сост.: К. Б. Жарикбаев, С. К. Калиев. – Алматы: Рауан, 1995. – 512 с.

2. Бердяев, Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической философии / Н. А. Бердяев. – Париж : YMCA-Press, 1972. – 222с.

3. Конон, В. М. От Ренессанса к классицизму. Становление эстетической мысли Белоруссии в XVI–XVIII вв. / В. М. Конон. – Минск : Наука и техника, 1978. – 158 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУКИ